

ТЕОРИЯ ПСИХИАТРИИ И МЕДИЦИНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

УДК: 17.022.1:141.32

Абрамов В.Ал.

СМЫСЛ КАК ПЕРВИЧНАЯ СИЛА ЖИЗНИ, СМЫСЛОУТРАТА (ОТЧУЖДЕНИЕ) КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВАКУУМ

Государственная образовательная организация высшего профессионального образования «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького», Донецк, ДНР

Отсутствие четких представлений об этиологии и патогенезе большинства психических расстройств, большое количество концепций, гипотез и парадигм не вносят ясности в понимание сущности психических расстройств. Пациент в сложившейся ситуации рассматривается преимущественно лишь как совокупность симптомов, а не как целостная личность. Такая позиция позволяет достигнуть длительной ремиссии, а при должном проведении антистигматизационных мероприятий даже добиться частичной реинтеграции пациента в социум. Однако такой подход не способствует субъективному личностному восстановлению пациента, восстановлению целостности его личности. Это доказывает ограниченность стандартов оказания психиатрической помощи, основывающихся на естественно-научных (биомедицинских) представлениях о психических расстройствах.

Одним из критериев, позволяющих оценить личность пациента как целостную функциональную систему, а также особенности ее дисфункциональных состояний, в частности, таких характерных феноменов как отчуждение, экзистенциальный вакуум, психическая депривация, личностная беспомощность, является смысл жизни.

В словаре психологических терминов понятие «смысл» определяется как суть, главное, основное содержание (иногда скрытое) в явлении, сообщении, или поведении; личностная значимость тех или иных явлений, сообщений или действий, их отношение к интересам, потребностям и жизненному контексту в целом конкретного субъекта. Понятие смысла является междисциплинарным и, как правило, используется вместе с понятием значения, причем единая традиция его употребления не выработана: в лингвистике, логике и теории познания понятие смысла чаще используется в первом определении, фактически синонимич-

но понятию значения; в психологии, социологии и философской антропологии оно чаще используется во втором определении, образуя с понятием значения полярную оппозицию [1]

Э. Вайскопф-Джолсон [2] отмечает, что имеется, по сути, три определения смысла: смысл как интеграция личной и социальной действительности, смысл как объяснение или интерпретация жизни и смысл как жизненная цель или задача [3, с.32].

Наиболее развернутым подходом к смыслу в аспекте интеграции личной и социальной действительности является теория Ф. Феникса [4], в которой он связывает саму сущность человека с его направленностью на осуществление смысла. «Человек — это существо, отличительная особенность жизни которого заключается в обладании смыслами и основной целью которого является их реализация. ...Его постоянно волнуют желания, чуждые животному существованию. В действительности он стремится к смыслу и, осознает он это или нет, все его стремления, каков бы ни был их видимый объект, направлены на расширение и углубление смысла» [4, с.344]. В другом месте он определяет человека как существо, «создающее, открывающее, воспринимающее смыслы, наслаждающееся ими и действующее по отношению к ним» [4, с. 48]. Ф. Феникс утверждает даже, что «...нет человека, для которого развитие внутренней жизни смысла не являлось бы реальной целью всех его стремлений» [4, с.345], противореча тем самым собственному утверждению [4, с.232], что «сущность человека» характеризует лишь идеал, а не реальные факты [3, с.41].

Ф. Феникс пишет, что о смыслах следует говорить во множественном числе. Всевозможное многообразие человеческих смыслов сводится к шести смысловым реальностям: символической, эмпирической, эстетической, синноэтической, этической и синоптической. Символика включает в

себя языковые и другие, в том числе недискурсивные, символические структуры, служащие для выражения и коммуникации любых смыслов. Эмпирика содержит фактическое знание о действительности. Эстетика охватывает разные виды искусства, содержанием которых является воплощенная в значимых смыслах уникальная субъективность автора. Синноэтика охватывает сферу значимых межличностных отношений. Этика связана со смыслами человеческих моральных обязанностей и добровольно принимаемых решений. Наконец, синоптика имеет дело с интегративными смыслами, объединяющими в единую перспективу смыслы, принадлежащие ко всем остальным реальностям. Синоптика объединяет такие области знания как история, религия (в широком смысле слова) и философия, каждая из которых осуществляет смысловую интеграцию в своем особом ракурсе. Различение шести реальностей выступает как чисто теоретическое; «любой конкретный смысл может рассматриваться как выражение одного из фундаментальных смыслов или как комбинация двух или более из них. На практике смыслы редко выступают в чистой и простой форме; они почти всегда образованы из нескольких элементарных» [4, с.8]. Шесть смысловых реальностей взаимосвязаны и являются частями единой иерархической смысловой системы [3, с. 42].

Из всех авторов, рассматривавших смысл как интегративную структуру личности, Ф. Феникс дает наиболее подробное аналитическое описание самого смысла, хотя определение смысла у него, как и у других, отсутствует. Он выделяет четыре параметра смысла: 1) переживание, рефлексивное самоосознание, опосредующее поведенческие реакции; 2) логические принципы структурирования этого переживания; 3) выбор значимых смыслов из множества потенциальных комбинаций и разработка их в русле сложившихся в цивилизации традиций и 4) выражение смысловых структур посредством соответствующих символических форм [4, с.22-25]. Очень важна такая принципиальная характеристика смыслов, как их социальность: «Они являются общими. Никто не может жить осмысленно в изоляции. Общность смысла характеризует все реальности без исключения. Любая смысловая структура является совместным способом понимания» [4, с.13].

Смыслы выступают у Ф. Феникса как пред-

мет обучения. «Различные структуры знания суть различные смыслы» [4, с.10]. Обучение призвано обеспечить развитие смыслов во всем их разнообразии и обеспечить их интеграцию в иерархическую систему [3, с 43].

Трактовка смысла (точнее, личностного смысла) в его интегрирующей функции — как интерпретации жизни — представлена теорией личности и индивидуальных различий, разработанной канадским философом и психологом Дж. Ройсом совместно с А. Пауэллом [5, 6]. Дж. Ройс и А. Пауэлл считают, что понятие личностного смысла является не только наиболее молярным и диффузным, но также и наиболее важным психологическим понятием [3, с.38]. «Осознанно и неосознанно смысл проникает во все, что индивиды делают, думают, чувствуют и во что верят, и вызывает огромный диапазон реакций... Несмотря на трудности исследования личностного смысла с эмпирических научных позиций, любая теория личности и индивидуальных различий, осознающая всю сложность своего предмета, не может обойтись без него в качестве важной первичной данности. Этим мы хотим сказать, что теория личности должна начинаться с постулата, что люди переживают свою жизнь в свете того, что они считают «осмысленным», то есть в свете индивидуальных подходов к жизни» [6, с. 234].

Понятие личностного смысла ассоциируется у Дж. Ройса и А. Пауэлла с понятием значимости, «которую каждый индивид приписывает критическим аспектам бытия». В построенной ими иерархической системно-факторной модели личности личностный смысл занимает вершину иерархии. Основной функцией интегративной сверхсистемы, обозначаемой термином «личность», является, по Дж. Ройсу и А. Пауэллу, поддержание, оптимизация и стабилизация личностного смысла, который рассматривается как чисто субъективное образование. «Личностный смысл не есть нечто существующее во внешнем мире или противостоящее индивидам извне и диктующее, какой шаг им предпринять. Это видение, которое каждый из нас должен создавать для себя заново» [6, с.8]. В поиске личностного смысла человек сталкивается с тремя вопросами: 1) в каком мире я живу? 2) как я могу прожить свою жизнь, чтобы наилучшим образом удовлетворить мои потребности и ценности? 3) кто я? Отвечая на эти вопросы, человек формирует свою картину

мира, стиль жизни и образ своего Я [3, с.39].

Дж. Ройс и А. Пауэлл отмечают, что личностный смысл развивается в течение жизни, смещаясь с физиологических потребностей в младенческом возрасте на ценности в возрасте более старшем; в целом с возрастом усиливается его экзистенциальная ориентация [6, с.247].

Путь к обретению смысла связан, по Дж. Ройсу, с более высоким уровнем осознания действительности [5, с.84], он отмечает роль ценностей, выступающих как «мост между смыслом и личностью» [5, с. 103]. На литературных примерах он показывает, что глубина смысла обусловлена ориентацией на ценности, согласующиеся с индивидуальностью конкретной личности. Дж. Ройс также указывает на связь смысла с наличием структурной организации [5, с.100]. Пытаясь в целом ответить на вопрос, откуда берется смысл, Дж. Ройс пишет: «...Он возникает как функция внутренней структуры индивида, структуры вне его и структуры взаимодействия организм - среда... Ключ к личностному смыслу заложен в системологических и ценностных иерархиях каждого индивида» [3, с. 40].

С идеями Дж. Ройса во многом перекликается достаточно оригинальный подход М. Чиксентмихали [7], который констатирует факт того, что наивно полагать, будто жизнь может иметь единый всеохватывающий смысл, в свете которого приобретает смысл любая активность в настоящем, прошлом и будущем, если под смыслом понимать глобальную, общую для всех цель. Но если такого априорного смысла нет, это не значит, что жизни не может быть придан смысл. «Большая часть того, что мы называем культурой и цивилизацией, состоит в предпринимаемых людьми попытках, обычно с минимальными шансами на успех, создать ощущение смысла и цели для себя и своих потомков» [7, с.215]. Констатируя трудности с определением понятия «смысл», М. Чиксентмихали связывает смыслообразование (meaningmaking) с внесением порядка в содержания сознания через интеграцию своих действий в единое переживание потока [7, с.216]. Это, в свою очередь, может быть достигнуто тремя путями. Первый — наличие цели. Все культуры содержат в себе системы смыслов, которые могут служить целевыми ориентирами, на которые человек направляет свои текущие цели. Второй — воплощение цели в действиях.

Любая цель влечет за собой ряд последствий, и если человек не готов иметь с ними дело, цель лишается смысла. И третий, являющийся результатом первых двух, — внесение гармонии в сознание. «Тот, кто находится в гармонии, неважно, что он делает, неважно, что с ним происходит, знает, что его психическая энергия не растрачивается на сомнения, сожаления, вину и страх, но всегда применяется с пользой. Внутреннее согласие в конечном счете приводит к той внутренней силе и спокойствию, которое восхищает нас в людях, пришедших, по-видимому, к согласию с самими собой» [3, с.40].

Представление о смысле как о жизненной задаче подробно разработано в теории личности и психотерапии Виктора Франкла. В своем учении В. Франкл выделяет три основные части: учение о стремлении к смыслу, учение о смысле жизни и учение о свободе воли. Стремление к поиску и реализации человеком смысла своей жизни В. Франкл рассматривает как врожденную мотивационную тенденцию, присущую всем людям и являющуюся основным двигателем поведения и развития личности. Это «наиболее человеческий феномен, так как животное никогда не бывает озабочено смыслом своего существования» [8, с.14]. Из жизненных наблюдений, клинической практики и разнообразных эмпирических данных В. Франкл заключает, что для того, чтобы жить и активно действовать, человек должен верить в смысл, которым обладают его поступки. «Даже самоубийца верит в смысл — если не жизни, то смерти» [9, с. 236], в противном случае он не смог бы шевельнуть и пальцем для того, чтобы реализовать свой замысел [3, с.33].

Учение о смысле жизни учит, что смысл «в принципе доступен любому человеку, независимо от пола, возраста, интеллекта, образования, характера, среды, а также религиозности и вероисповедания» [10]. Однако нахождение смысла — это вопрос не познания, а призвания. Не человек ставит вопрос о смысле своей жизни — жизнь ставит этот вопрос перед ним, и человеку приходится ежедневно и ежечасно отвечать на него — не словами, а действиями. Смысл не субъективен, человек не изобретает его, а находит в мире, в объективной действительности, именно поэтому он выступает для человека как императив, требующий своей реализации [3, с.33]. В психологической же структуре личности В. Франкл выделяет особое «поэтическое измерение», в кото-

ром локализованы смыслы. Это измерение несводимо к измерениям биологического и психологического существования человека; соответственно, смысловая реальность не поддается объяснению через психологические и, тем более, биологические механизмы, и не может изучаться традиционными психологическими методами. Смысл жизни может быть невыразим словесно или даже вообще невыразим [11, с.273].

Утверждая уникальность и неповторимость смысла жизни каждого человека, В. Франкл, тем не менее, отвергает некоторые из «философий жизни». Так, смыслом жизни не может быть наслаждение, ибо оно есть внутреннее состояние субъекта [9, с.223]. По той же логике человек не может стремиться к счастью, он может искать лишь причины для счастья. Борьба за существование и стремление к продолжению рода также оправданы постольку, поскольку сама жизнь уже обладает каким-то независимым от этого смыслом [3, с.34].

Положение об уникальности смысла не мешает В. Франклу дать также содержательную характеристику возможных позитивных смыслов. Для этого он вводит представление о ценностях — смысловых универсалиях, выкристаллизовавшихся в результате обобщения типичных ситуаций, с которыми обществу или человечеству пришлось сталкиваться. Это позволяет обобщить возможные пути, посредством которых человек может сделать свою жизнь осмысленной: «Во-первых, с помощью того, что мы даем жизни (в смысле нашей творческой работы); во-вторых, с помощью того, что мы берем от мира (в смысле переживания ценностей) и, в-третьих, посредством позиции, которую мы занимаем по отношению к судьбе, которую мы не в состоянии изменить» [12, с.15]. Соответственно этому членению, выделяются три группы ценностей: ценности творчества, ценности переживания и ценности отношения. Приоритет принадлежит ценностям творчества, основным путем реализации которых является труд. При этом «...смысл и ценность приобретает труд человека как его вклад в жизнь общества, а не просто как его занятие» [13, с.233]. Смысл труда человека заключается прежде всего в том, что человек делает сверх своих предписанных служебных обязанностей, что он привносит как личность в свою работу. Ценности творчества являются наиболее есте-

ственными и важными, но не необходимыми. Смысл жизни может, согласно В. Франклу, придать задним числом одно-единственное мгновение, одно ярчайшее переживание. Из числа ценностей переживания В. Франкл подробно останавливается на любви, которая обладает богатым ценностным потенциалом. Любовь — это взаимоотношения на уровне духовного, смыслового измерения, переживание другого человека в его неповторимости и уникальности, познание его глубинной сущности. Вместе с тем, и любовь не является необходимым условием или наилучшим вариантом осмысленности жизни. «Индивид, который никогда не любил и не был любим, тем не менее может сформировать свою жизнь весьма осмысленным образом» [3, с.34].

Основная новизна подхода В. Франкла связана у него, однако, с третьей группой ценностей, которым он уделяет наибольшее внимание — с ценностями отношения. К этим ценностям человеку приходится прибегать, когда он оказывается во власти обстоятельств, которые он не в состоянии изменить. Но при любых обстоятельствах человек свободен занять осмысленную позицию по отношению к ним и придать своему страданию глубокий жизненный смысл. «Как только мы добавляем ценности отношения к перечню возможных категорий ценностей, становится очевидным, что человеческое существование никогда не может оказаться бессмысленным по своей внутренней сути. Жизнь человека сохраняет свой смысл до конца — до последнего дыхания» [3, с.35].

Правильной постановкой вопроса, однако, является, согласно В. Франклу, не вопрос о смысле жизни вообще, а вопрос о конкретном смысле жизни данной личности в данный момент. «Ставить вопрос в общем виде — все равно, что спрашивать у чемпиона мира по шахматам: «Скажите, маэстро, какой ход самый лучший?»» [14, с.113]. Каждая ситуация несет в себе свой смысл, разный для разных людей, но для каждого он является единственным и единственно истинным. Не только от личности к личности, но и от ситуации к ситуации этот смысл меняется [3, с.35].

В. Франкл не устает подчеркивать, что смыслы не изобретаются, не создаются самим индивидом; их нужно искать и находить. Смыслы не даны нам, мы не можем выбрать себе смысл, мы можем лишь выбрать себе призвание, в котором мы обретем смысл. В

нахождении и отыскании смыслов человеку помогает совесть. В. Франкл определяет совесть как смысловой орган, как интуитивную способность отыскивать единственный смысл, кроющийся в каждой ситуации [3, с.36].

Однако найти смысл — это полдела, необходимо еще осуществить его. Человек несет ответственность за осуществление уникального смысла своей жизни. Осуществление смысла — процесс не простой и далек от того, чтобы совершаться автоматически, коль скоро смысл найден. В. Франкл характеризует стремление, порождаемое смыслом (в отличие от влечений, порождаемых потребностями, «как то, что требует постоянного принятия индивидом решения, желает ли он осуществить его в данной ситуации, или нет» [13, с.63]. Осуществление смысла является для человека императивной необходимостью по причине конечности, ограниченности и необратимости бытия человека в мире, невозможности отложить что-то на потом, неповторимости тех возможностей, которые предоставляет человеку каждая конкретная ситуация [3, с.36].

Основной тезис третьего учения В. Франкла — учения о свободе воли — гласит, что человек свободен найти и реализовать смысл жизни, даже если его свобода заметно ограничена объективными обстоятельствами. Признавая очевидную детерминированность человеческого поведения, В. Франкл отрицает его пандетерминированность. «Необходимость и свобода локализованы не на одном уровне; свобода возвышается, надстроена над любой необходимостью» [13, с.106]. В. Франкл говорит о свободе человека по отношению к своим влечениям, к наследственности и к факторам и обстоятельствам внешней среды. Свобода по отношению к влечениям проявляется в возможности сказать им «нет», принять или отвергнуть их. Даже когда человек действует под влиянием непосредственной потребности, он позволяет ей определять свое поведение и сохраняет свободу не позволить этого. Аналогичным образом обстоит дело и тогда, когда речь идет о детерминации человеческого поведения ценностями или моральными нормами — человек позволяет или не позволяет себе быть ими детерминированным [3, с.37].

Таким образом, идея смысла жизни как интегрирующего фактора человеческой жизни, легла у В. Франкла в основу теории личности

и была разработана им весьма детально. Для В. Франкла обретение и реализация смысла выступает как стоящая перед человеком задача, на решение которой он направляет все свои усилия, причем успех в ее решении не гарантирован, а неудача приводит к серьезным нарушениям личностного развития [3, с.39].

Состояние переживания дефицита обеспеченности жизни личности смыслом, влекущего за собой целый ряд патологических и «метапатологических» проявлений и следствий в экзистенциальной психологии и психотерапии определяется как феномен смыслоутраты, или экзистенциального вакуума [15]. По мнению В. Франкла, «человек живет идеалами и ценностями» [13, с. 285], и стремление к смыслу является первичной движущей силой в жизни человека. Фрустрацию стремления к смыслу В. Франкл называет «экзистенциальной фрустрацией» (под определением «экзистенциальное» он понимает одновременно сам «специфически человеческий способ бытия», смысл существования и стремление к его поиску [11, с. 247]). Описывая экзистенциальную фрустрацию как социальный феномен, В. Франкл использует термин «экзистенциальный вакуум» — следствие «упадка универсальных ценностей» [13, с. 295], в результате которого человек оказывается в ситуации неопределенности, когда «никакие условности, традиции и ценности не говорят, что ему должно делать» [13, с.308]. Субъективно экзистенциальный вакуум проявляется в скуке и апатии (когда люди сообщают о пустоте и бессмысленности жизни) и лежит в основе феноменов типа «невроз выходного дня». По мнению В. Франкла, экзистенциальный вакуум — не проявление, но возможная причина ноогенного невроза [13, с. 312]. Возможна и более сложная ситуация, при которой симптоматика обычного невроза «вторгается в экзистенциальный вакуум и продолжает в нем расцветать» [13, с. 253].

Ф. Феникс выделяет такие общие факторы, способствующие утрате смысла, как распространение духа критицизма и скептицизма, деперсонализация и фрагментация жизни, обилие культурной продукции, подлежащей усвоению, быстрый темп изменений условий жизни [4, с.30]. «Люди одновременно сопротивляются и отрекаются от смыслов и ищут и утверждают их, культуры одновременно разрушают смыслы и творят их» [3, с.41].

Дж. Ройс в своих работах развил своео-

бразный подход к проблеме смыслоутраты, связав ее с гносеологической инкапсуляцией человека, то есть с ограниченностью его видения мира, склонностью на основании частных данных делать выводы о целом. Результатом подобной инкапсуляции является неудача в нахождении смысла вследствие неудовлетворительности и ограниченности субъективной картины мира [3, с. 40].

С психологической точки зрения, утрата смысла проявляется в ряде взаимосвязанных феноменов [3, 13, 16]: 1. Переживание пустоты и бессмысленности жизни, проявляющееся в различных ситуациях. Преобладающее чувство скуки, неудовлетворенности жизнью, негативный эмоциональный фон. 2. Утрата переживания субъективной значимости намерений, целей и видов деятельности, планируемых или осуществляемых индивидом. Отсутствие четких сознательных представлений о направлении собственной жизни (намерения не переходят в конкретные цели); цели ограничиваются краткосрочной временной перспективой и не образуют иерархии. 3. Сужение широты круга мотивов, осуществляемых индивидом в деятельности, а также степени их иерархизации, приводящее к фрагментации деятельности. 4. Преобладание потребностной регуляции над ценностной. С содержательной стороны деятельность сводится к удовлетворению потребностей и соответствию социальным нормам. 5. Формирование убеждений, отражающих невозможность смысла или его реализации. Ценности не рефлексированы или рассматриваются как абстрактные, оторванные от жизни содержания, неспособные побуждать реальную деятельность [15].

Человек, которому свойственны перечисленные признаки, иными словами, жизнедеятельность которого не ориентирована на смыслы и ценности, а всецело сводится к удовлетворению потребностей, реагированию на стимулы и соответствию принятым в социуме нормам поведения, скорее всего будет признан здоровым по традиционным критериям психического здоровья, опирающимися на статистические нормы и показатели адаптации [15].

Вместе с тем, экзистенциальная фрустрация, по В. Франклу, может приводить к возникновению неспецифической клинической симптоматики. Ноогенный невроз проявляется в формах алкоголизма, депрессии, навязчи-

вости, девиантного поведения, гипертрофированной сексуальности или безрассудства, во всех этих случаях сочетаясь с заблокированной волей к смыслу. В числе других неспецифических следствий экзистенциальной фрустрации можно назвать суициды и наркотическую зависимость [15].

С феноменом смыслоутраты, описанным В. Франклом, пересекается понятие «метопатологий», введенное А. Маслоу: «если нет ценностей, руководящих жизнью, то можно не быть невротиком, но тем не менее страдать от когнитивных и духовных расстройств, поскольку в определенной степени связь с действительностью искажена и нарушена» [17, с.189]. В список «общих метопатологий», выделенных А. Маслоу, входят отчуждение, аномия, ангедония, потеря смысла, потеря вкуса к жизни, десакрализация жизни, желание смерти, чувство собственной бесполезности, отсутствие ощущения свободы воли, цинизм, вандализм, отчуждение от других людей, авторитета и любого общества и др. [15].

Категорией, описывающей онтологическую ситуацию нарушения или разрыва связей индивида с миром и соответствующей понятию утраты смысла, является категория отчуждения. Феноменология смыслоутраты оказывается чрезвычайно сходной с описаниями субъективных феноменов отчуждения, представленными как в философской, так и в психологической литературе [18, 19, 20].

Понятие отчуждения не вошло в понятийный арсенал современной психологии (за исключением отдельных сравнительно локальных подходов). Более того, представленные в работах различных авторов варианты понимания сущности и проявлений отчуждения оказываются не только не вполне совпадающими, но и зачастую непересекающимися [15]. В отечественной традиции гуманитарных наук термин «отчуждение» связывают, как правило, с марксистской философией. Отчуждение, по К. Марксу, проявляется в следующих феноменах [21]:

- отчуждение человека от процесса и продукта труда (субъективная неудовлетворенность; ощущение вынужденности деятельности; инструментальный характер деятельности вместо творческого);
- отчуждение человека от родовой сущности (неспособность воспринимать человеческий смысл предметов культуры, «слепота» к ценностям);

- отчуждение человека от предметного мира (частная собственность становится предметом обладания, а не действительного присвоения);

- фрагментация жизни (жизнь человека в ее различных сферах не имеет единой направленности и переживается им как разорванная, чужая);

- отчуждение человека от человека (дегуманизация отношений, другой человек становится средством, а не целью).

Э. Фромм [22] понимает отчуждение как субъективный феномен, «способ восприятия, при котором человек ощущает себя как нечто чуждое... становится как бы отстраненным от самого себя... не чувствует себя центром своего мира, двигателем своих собственных действий... утратил связь с самим собой, как и со всеми другими людьми... воспринимает себя, равно как и других, подобно тому как воспринимают вещи — при помощи чувств и здравого смысла, но в то же время без продуктивной связи с самим собой и внешним миром» [15].

Для раннего М. Хайдеггера феномен отчуждения состоит в том, что присутствие замыкается в несобственном бытии, «безудержности «занятий»», «беспокойном всезнании», и «в себе самом запутывается», его собственная потенциальность оказывается от него скрытой [23, с. 178]. Отчуждение, по М. Хайдеггеру, становится также результатом равнодушного отношения к смерти и погруженности в настоящее, в которых проявляется неподлинное, несобственное бытие присутствия. По его мнению, подлинное бытие открывается человеку только тогда, когда он находится в точке стояния в нем; вне этой точки возможна лишь «память» о бытии, которая не есть ни теоретическое представление о нем, ни следующий из него этический принцип. Таким образом, по М. Хайдеггеру, можно говорить об отчуждении человека от Бытия, которое составляет «сущность» человека, но может быть познано лишь феноменологически [15].

С.Л. Рубинштейн говорит об отчуждении человека от бытия и бытия от человека в познавательном и этическом аспектах. Содержание первого состоит в «вынесении сознания за пределы бытия, сущего, в отрыве чистого сознания от реального человека как субъекта познания — деонтологизации человека, с одной стороны, и сведении всего сущего, бытия только к вещиности — с другой» [24,

с.284]; преодоление этого отчуждения состоит в раскрытии взаимообусловленности мира и человека. Этический аспект отчуждения С.Л. Рубинштейн раскрывает следующим образом: «Задача реализовать человека в его жизни — это задача преодолеть «отчуждение» от человека как явления его человеческой сущности. Преодоление «отчуждения» идеального, существующего в виде идеи, идеала, ценности, долга и т. д., возможно не путем их перечеркивания, а путем их реализации» [24, с.376]. «Проблема «отчуждения» возникает при сведении человека к общественной «маске», к носителю определенной общественной функции» [24, с.377]. «Человек обретает всю полноту своего бытия и выявляется во всех своих человеческих качествах по мере того, как он выступает по отношению ко всем сторонам бытия, жизни... Человек, отчужденный от природы, от жизни, непричастный к игре ее стихийных сил, не способен соотнести себя с ними, перед лицом этих сил найти свое мнение и утверждать свое человеческое достоинство — это жалкий, маленький человек» [15].

Среди психологов одним из первых термин «отчуждение» использует З. Фрейд [25], который говорит об отчуждении как о черте детского сознания, которое зависит от мощных чуждых сил. Вслед за З. Фрейдом этот термин использует К. Хорни [19]: в ранних работах она связывает отчуждение с принятием человеком невротически неадекватного представления о себе. В более поздних работах у нее возникает различие между «актуальным Я» (всем тем, чем человек является в настоящее время) и «реальным Я» (движущей силой, источником развития, жизненным центром). «Отчуждение от актуального Я» она связывает с невниманием человека к собственным чувствам, мыслям или действиям, с субъективным переживанием отдаленности от самого себя, которое испытывает невротик, с ненавистью к самому себе или «безличным» отношением к себе, с утратой личного смысла. «Отчуждение от реального Я» она объясняет утратой невротиком переживания себя как активной детерминирующей силы в собственной жизни, исчезновением связи с внутренним источником психической энергии, мотивации, активным уходом человека от осуществления заложенной в нем потенциальности [15].

Обобщая проделанный анализ, можно отметить, что причиной отчуждения выступает подчинение жизни человека власти внешних

сил, чуждых его природе, что приводит к разрыву между сущностью и существованием, переживанию неудовлетворенности, несоответствия сущего должному. Человек утрачивает связь со своей внутренней основой, или природой, со своими действиями, со своим достоинством, с миром, с другими людьми, а также с основами, которые делают возможным существование человека как такового. Подобная утрата связи может быть как вынужденной, сложившейся под влиянием внешних условий, в которых протекает жизнь человека, так и выбранной им, связанной с появлением рефлексии [15].

Несколько психологических подходов в большей или меньшей степени эксплицировали связь между отчуждением и утратой смысла. Наиболее разработаны представления об этой связи в экзистенциальной персонологии С. Мадди [15].

В своих ранних работах С. Мадди вводит понятие «экзистенциального невроза» как хронического состояния, характеризующегося рядом симптомов [26]. К когнитивным симптомам относятся утрата смысла, неспособность человека поверить в истину, важность, пользу или обрести интерес к любой деятельности, которой он занимается или которую может себе представить. С аффективной стороны экзистенциальный невроз характеризуется вялостью и скукой, а также эпизодами депрессии, частота которых с течением времени снижается. С точки зрения поведения, находясь в этом состоянии, человек может поддерживать низкий или средний уровень активности, содержание которой, однако, он не выбирает или же выбирает по принципу минимизации усилий [15].

По мнению С. Мадди, человек, страдающий экзистенциальным неврозом, отчужден от себя и от общества, однако такие традиционные признаки отчуждения от общества, как острое недовольство наличными социальными условиями, бунтарство и гражданское неповиновение, не являются симптомами экзистенциального невроза; напротив, по мнению С. Мадди, человека, который пытается изменить общество, уже нельзя назвать отчужденным [15].

С. Мадди [26] связывает отчуждение непосредственно с экзистенциальным недугом. Он выделяет четыре формы, в которых проявляется отчуждение:

1. **Вегетативность** — неспособность пове-

рять в истину, важность или ценность любой реально осуществляемой или воображаемой деятельности. Вегетативность, по мнению С. Мадди, является наиболее тяжелой формой экзистенциального недуга.

2. **Бессилие** — утрата человеком веры в свою способность влиять на жизненные ситуации, однако при сохранении ощущения их важности, что позволяет считать бессилие менее серьезной формой экзистенциального недуга, нежели вегетативность.

3. **Нигилизм** — убеждение в отсутствии смысла и активность, направленная на его утверждение путем занятия деструктивной позиции. Эта форма экзистенциального недуга включает в себя переживание некоторого смысла — пусть это и парадоксальный антисмысл — и связана с активностью по его реализации, что позволяет считать нигилизм менее серьезной формой экзистенциального недуга, нежели вегетативность и бессилие.

4. **Авантюризм** (С. Мадди также употребляет термин «крусадерство») — компульсивный поиск жизненности, вовлеченности в опасных, экстремальных видах деятельности в силу переживания бессмысленности повседневной жизни. Эта форма экзистенциального недуга является наименее серьезной, поскольку связана с активностью, поиском новых ощущений.

При анализе четырех форм отчуждения, выделенных С. Мадди, обращает на себя внимание сходство описанной им вегетативной симптоматики с симптомами экзистенциального вакуума, описанными В. Франклом. В обоих случаях речь идет об апатии и скуке, которые являются следствиями утраты переживания осмысленности. Авантюризм представляет собой вариант, при котором смысл обнаруживается и осуществляется человеком за пределами ситуаций, составляющих его повседневную жизнь; таким образом, его жизнь в целом в значительной части остается бессмысленной. «Позитивным» понятием, соответствующим авантюризму, является поиск новых впечатлений (*sensation-seeking* [27]): грань между этими понятиями нечеткая, однако авантюризм подчеркивает элемент эскапизма, ухода от бессмысленной жизни в бессодержательный риск, тогда как поиск новых впечатлений связан, скорее, с поиском и обнаружением бытийных ценностей в новых видах деятельности [28].

Концепция С. Мадди оказывается не-

сколько более широкой и развернутой, чем представления В. Франкла, поскольку включает в себя бессилие и нигилизм как особые формы экзистенциального недуга. В терминах В. Франкла, бессилие отражает вариант неготовности к осуществлению смысла, без чего, несмотря на готовность и способность обнаружить смысл, человек будет испытывать состояние смыслоутраты. По этой причине шкалы, отражающие готовность к субъективному контролю над собственной жизнью и уверенность в возможности такого контроля, входят в тест смысло-жизненных ориентации, операционализирующий концепцию экзистенциального вакуума и показывающий высокую внутреннюю согласованность. Нигилизм представляет собой обратный вариант, при котором в ситуации неготовности к обнаружению собственного смысла человеком осуществляется негативный смысл. Нигилизм, бессилие и вегетативность (ангедония) входят и в список метапатологий, предложенный А. Маслоу [17]. С. Мадди не дает подробного обоснования общности выделенных им четырех форм отчуждения, однако опирается на работы Э. Фромма, в которых раскрыта сущностная взаимосвязь различных проявлений отчуждения, описанных С. Мадди [15].

Другой вариант соотношения смысла и отчуждения предложен в русле теории потока М. Чиксентмихайи, который использует понятие отчуждения для обозначения социальных феноменов, препятствующих возникновению состояний потока. К таким феноменам автор относит аномию, понимаемую, вслед за Э. Дюркгеймом, как утрата норм и ценностей, а также собственно отчуждение, которое он считает особенностью социальных условий, при которых деятельность людей обретает внешне мотивированный характер [7]. Однако отчуждение используется в этих работах как социологический термин, вне связи с понятием смысла [15].

В более поздних работах М. Чиксентмихайи и его ученицы Дж. Накамура, показывающих взаимосвязь потока и переживания осмысленности через категорию «жизненной ангажированности» [29], отчуждение рассматривается более содержательно. По мнению Дж. Накамура, «определяющей характеристикой жизненной ангажированности является интеграция активных и рецептивных способов взаимодействия со средой. По этому параметру ангажированность отличается

от трех других, менее позитивных способов взаимодействия с миром. Отчуждение или невключенность, связанная с безразличием и уходом, является полярной противоположностью ангажированности с точки зрения отношений и предполагает активное отстранение или разобщенность между субъектом и объектом. В двух других способах взаимоотношений субъект и объект взаимодействуют, но не являются взаимосвязанными: действие и ответ на него не соответствуют друг другу. В рамках одного способа действие субъекта на объект перекрывает его способность к восприятию последнего. В рамках другого способа подчинение объекту перекрывает способность субъекта воздействовать на него» [29, с. 22]. Поскольку в логике М. Чиксентмихайи и Дж. Накамура ангажированность является условием возникновения переживаний потока, из которых вытекает чувство осмысленности, отчуждение влечет за собой «антипоток» переживания и отсутствие осмысленности [15].

А.Н. Леонтьев использует понятие отчуждения в контексте обоснования различения значения и личностного смысла. Источником отчуждения является общественное разделение труда, которое приводит к несовпадению сознаваемого объективного значения и личностного смысла (значения этого значения для субъекта). По мнению А.Н. Леонтьева, «несовпадение смыслов и значений в индивидуальном сознании может приобретать характер настоящей чуждости между ними, даже их противопоставленности» [30, с. 116]. Деятельность является отчужденной, если она не мотивирована смыслообразующим мотивом. Это возможно как на уровне конкретной деятельности (работа, учеба, отдых, общение, самопознание), так и на уровне жизни в целом: жизнь утрачивает смысл, сводится к удовлетворению биологических потребностей, постоянному воспроизводству одних и тех же отчужденных видов деятельности. Из этого выводится положение о том, что «мотивы-стимулы», связанные с неспецифическими потребностями, придают деятельности отчужденный смысл, обусловленный не естественной связью между выполняемой деятельностью и удовлетворением потребностей, а искусственной связью, заданной значимыми людьми или социальной системой [3, с. 199 - 201]. Таким образом, деятельностный подход А.Н. Леонтьева дает убедительные основания для разработки понятия отчуждения

как утраты деятельностью смысла, вызванной отсутствием у этой деятельности актуальных смыслообразующих мотивов [15].

Подводя итог, можно заключить, что понятие отчуждения характеризуется как распад внешних и внутренних связей в структуре жизненного мира личности, соединяющих жизнь индивида с более широкими контекстами мира, общества, других людей и сферы трансцендентного, а также скрепляющих ее в единое целое, т. е. распад ее связанности и связности. В феноменологическом аспекте это проявляется в виде переживания смыслоутраты, экзистенциального вакуума или экзистенциальной фрустрации, отсутствия в

жизни смыслового содержания. Проявления смыслоутраты выступают формой, в которой неполнота и ограниченность взаимоотношений с миром переживаются индивидом. Наконец, в деятельностном аспекте проявлением ситуации распада смысловых связей становится конформистская ориентация, сводящая мотивационные основы жизнедеятельности к удовлетворению биологических нужд и автоматическому (бездумному) выполнению социальных ролей, что, в свою очередь, зачастую наблюдается у психически больных и говорит о необходимости разработки новых подходов к оказанию психиатрической помощи.

Абрамов В.Ал.

СМЫСЛ КАК ПЕРВИЧНАЯ СИЛА ЖИЗНИ, СМЫСЛОУТРАТА (ОТЧУЖДЕНИЕ) КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВАКУУМ

Государственная образовательная организация высшего профессионального образования «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького», Донецк, ДНР

Одним из критериев, позволяющих оценить личность пациента, как целостную функциональную систему и, как следствие использовать личностно-ориентированный подход в оказании психиатрической помощи, является смысл жизни. Состояние переживания дефицита обеспеченности жизни личности смыслом, определяется как феномен смыслоутраты (отчуждения), или экзистенциального вакуума. Понятие отчуждения характеризуется как распад внешних и внутренних связей в структуре жизненного мира личности, соединяющих жизнь индивида с более широкими контекстами мира, общества, других людей и сферы трансцендентного. В феноменологическом аспекте это проявляется в виде переживания смыслоутраты, экзистенциального вакуума или экзистенциальной фрустрации, отсутствия в жизни смыслового содержания. Проявления смыслоутраты выступают формой, в которой неполнота и ограниченность взаимоотношений с миром переживаются индивидом.

Ключевые слова: личностно-ориентированный подход, смысл, отчуждение, смыслоутрата, экзистенциальный вакуум.

Abramov V.Al.

SENSE AS PRIMARY LIFE, SUSTAINABILITY (DEPRECTION) AS THE EXISTENTIAL VACUUM

State Educational Organization of Higher Professional Education «Donetsk National Medical University named after M. Gorky», Donetsk, DPR

One of the criteria that makes it possible to assess the personality of a patient as an integral functional system and, as a consequence, to use a person-oriented approach in providing psychiatric care, is the meaning of life. The state of experiencing a deficit in the provision of a person's life with meaning is defined as the phenomenon of sense (alienation) or existential vacuum. The concept of alienation is characterized as the disintegration of external and internal links in the structure of the individual's life world, connecting the life of the individual with the broader contexts of the world, society, other people and the sphere of transcendence. In the phenomenological aspect, this manifests itself in the form of an experience of meaning, an existential vacuum or existential frustration, a lack of meaning in life. Manifestations of meaning are a form in which the incompleteness and limitedness of relationships with the world are experienced by the individual.

Key words: personality-oriented approach, sense, alienation, sense-purpose, existential vacuum.

Литература

1. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. СПб.: Прайм-Еврознак; 2003. 632.
2. Weisskopf-Joelson E., Buhler C., Massarik F. Meaning as integrating factor. The course of human life: a study of goals in the humanistic perspective. New York: Springer. 1968; 359 - 363.
3. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл; 2003. 487.
4. Phenix P. Realms of meaning: a philosophy of the curriculum for general education. New York etc.: McGraw-Hill; 1964. 391.
5. Royce J.R. The encapsulated man: an interdisciplinary essay on the search for meaning. Princeton: Van Nostrand; 1964. 206.
6. Royce J.R., Powell A. Theory of personality and individual differences: factors, systems and processes. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall; 1983. 304.
7. Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. New York: Harper Perennial; 1990. 305.
8. Франкл В. Доктор и душа. СПб.: Ювента; 1997. 287.
9. Frankl V. Der Mensch von der Fragenachdem Sinn: eineAuswahlausdemGesamtwerk. Miinchen; Zurich: Piper; 1979. 308.
10. Frankl V. Logos, paradox and the search for meaning. Cognition and psychotherapy. New York: Plenum. 1985; 259-275.
11. Frankl V. The doctor and the soul: from psychotherapy to logotherapy. New York: Vintage books; 1973. 295.
12. Frankl V. Psychotherapy and existentialism. New York: Simon and Schuster; 1967. 246.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс; 1990. 367.
14. Frankl V. Man's search for meaning: an introduction to logotherapy. New York: Simon and Schuster; 1984. 189.
15. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Смыслотрата и отчуждение. Международный научный журнал «Культурно-историческая психология». 2007; 4: 68-77.
16. Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль; 1988. 301.
17. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл; 1999. 425.
18. Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса. Душа человека. М.: Республика; 1998. 425.
19. Schacht R. Alienation. NY: Anchor Books; 1971. 294.
20. Schmitt R. Alienation and Freedom. Boulder; 2003. 145.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 года. М.; 1956. 174.
22. Фромм Э. Психоанализ и религия. М.: АСТ; 1998. 224.
23. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука; 2002. 452.
24. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер; 2003. 512.
25. Фрейд З. Будущее одной иллюзии. Сумерки богов. М.: Политиздат; 1989. 94-99.
26. Maddi S.R. The Existential Neurosis. Journal of Abnormal Psychology. 1967; 4(72): 311-325.
27. Zuckennan M. Sensation seeking: Beyond the optimal level of arousal. Hillsdale, NJ; 1979. 197.
28. Macbeth J., Csikszentmihalyi M., Csikszentmihalyi I.S. Ocean cruising. Optimal experience: Psychological studies of flow in consciousness. Cambridge; 1988. 334.
29. Csikszentmihalyi M., Nakamura J. The Construction of Meaning Through Vital Engagement. In book: Flourishing positive psychology and the life well-lived. Ed. by C.L.M. Keyes, J. Haidt. Washington DC; 2003. 335.
30. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; 2004. 352.

References

1. Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. Bol'shoi psikhologicheskii slovar' [Great psychological dictionary]. St.Petersburg: Praim-Evroznak; 2003. 632 (in Russian).
2. Weisskopf-Joelson E., Buhler C., Massarik F. Meaning as integrating factor. The course of human life: a study of goals in the humanistic perspective. New York: Springer. 1968; 359 - 363.
3. Leont'ev D.A. Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of the semantic reality]. Moscow: Smysl; 2003. 487(in Russian).
4. Phenix P. Realms of meaning: a philosophy of the curriculum for general education. New York etc.: McGraw-Hill; 1964. 391.
5. Royce J.R. The encapsulated man: an interdisciplinary essay on the search for meaning. Princeton: Van Nostrand; 1964. 206.
6. Royce J.R., Powell A. Theory of personality and individual differences: factors, systems and processes. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall; 1983. 304.
7. Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. New York: Harper Perennial; 1990. 305.
8. Frankl V. Doktor i dusha [Doctor and Soul]. St.Petersburg: Yuventa; 1997. 287 (in Russian).
9. Frankl V. Der Mensch von der Fragenachdem Sinn: eineAuswahlausdemGesamtwerk. Miinchen; Zurich: Piper; 1979. 308.
10. Frankl V. Logos, paradox and the search for meaning. Cognition and psychotherapy. New York: Plenum. 1985; 259— 275.
11. Frankl V. The doctor and the soul: from psychotherapy to logotherapy. New York: Vintage books; 1973. 295.
12. Frankl V. Psychotherapy and existentialism. New York: Simon and Schuster; 1967. 246.
13. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Man in search of meaning]. Moscow: Progress; 1990. 367 (in Russian).
14. Frankl V. Man's search for meaning: an introduction to logotherapy. New York: Simon and Schuster; 1984. 189.
15. Osin E.N., Leont'ev D.A. Smysloutrata i otchuzhdenie [Sense of meaning and alienation]. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2007; 4: 68-77(in Russian).
16. Bratus' B.S. Anomalii lichnosti [Anomalies of personality]. Moscow: Mysl'; 1988. 301 (in Russian).
17. Maslou A. Novye rubezhi chelovecheskoi prirody [New frontiers of human nature]. Moscow: Smysl; 1999. 425 (in Russian).
18. Fromm E. Kontseptsiya cheloveka u K. Marksa. Dusha cheloveka [The concept of man in K. Marx. The soul of man]. Moscow: Respublika; 1998. 425 (in Russian).
19. Schacht R. Alienation. NY: Anchor Books; 1971. 294.
20. Schmitt R. Alienation and Freedom. Boulder; 2003. 145.
21. Marks K., Engel's F. Ekonomicheskko-filosofskie rukopisi 1844 goda [Economic-philosophical manuscripts of 1844]. Moscow; 1956. 174 (in Russian).
22. Fromm E. Psikhooanaliz i religiya [Psychoanalysis and religion]. Moscow: AST; 1998. 224 (in Russian).
23. Khaidegger M. Bytie i vremena [Being and time]. St.Petersburg: Nauka; 2002. 452 (in Russian).
24. Rubinshtein S.L. Bytie i soznanie. Chelovek i mir [Being and consciousness. Man and the world]. St.Petersburg: Piter; 2003. 512 (in Russian).
25. Freid Z. Budushchee odnoi illyuzii. Sumerki bogov [The future of an illusion. Twilight of the Gods]. Moscow.: Politizdat; 1989. 94-99 (in Russian).
26. Maddi S.R. The Existential Neurosis. Journal of Abnormal Psychology. 1967; 4(72): 311-325.
27. Zuckennan M. Sensation seeking: Beyond the optimal level of arousal. Hillsdale, NJ; 1979. 197.
28. Macbeth J., Csikszentmihalyi M., Csikszentmihalyi I.S. Ocean cruising. Optimal experience: Psychological studies of flow in consciousness. Cambridge; 1988. 334.
29. Csikszentmihalyi M., Nakamura J. The Construction of Meaning Through Vital Engagement. In book: Flourishing positive psychology and the life well-lived. Ed. by C.L.M. Keyes, J.Haidt. Washington DC; 2003. 335.
30. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl; 2004. 352 (in Russian).

Поступила в редакцию 10.01.2018